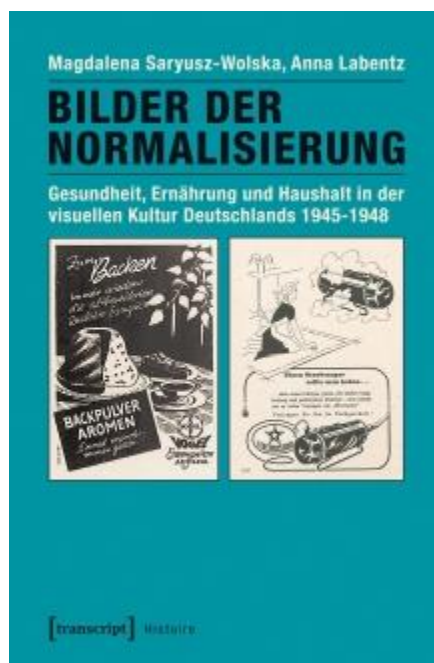

РЕЦЕНЗИИ

Головлев А.Ю.*

**Магдалена Сариуш-Вольска, Анна Лабентц «Изображения нормализации: здоровье, питание и домашнее хозяйство в визуальной культуре Германии 1945-1948 гг.»
(Magdalena Saryusz-Wolska, Anna Labentz «Bilder der Normalisierung: Gesundheit, Ernährung und Haushalt in der visuellen Kultur Deutschlands 1945-1948».
Bielefeld: transcript, 2017)**

Ключевые слова: визуальная история, гендерная история, новейшая история, история Германии, оккупационная история

Key words: visual history, gender history, recent history, history of Germany, occupation history

Книга Сариуш-Вольской и Лабентц, появившаяся в результате многолетних исследований в Польской академии наук и в Германии, несомненно представляет собой одну из наиболее интересных новейших работ в области визуальной истории и истории оккупационного периода. Авторы поставили себе задачу анализа формирования, развития и дискурсивных процессов внутри визуального

* **Головлев Александр Игоревич** – кандидат исторических наук, ассистент, ГБОУ школа-интернат «Интеллектуал» (e-mail: alexander.golovlev@eui.eu, ogolovlev@yandex.ru)

пространства четырёх оккупационных зон в Германии, разделив свой объект исследования на несколько фундаментальных областей, определявших жизнь немецкого общества после поражения Третьего рейха и сопутствовавшей ему экономической и социальной катастрофы. Таковыми стали роль женщин и формы женской социализации; инфекционные и паразитарные заболевания, приобретающие эпидемический характер в первые послевоенные годы; венерические заболевания и попытки регулирования сферы сексуальности внутри немецкого общества, а также в контексте присутствия больших оккупационных контингентов; питание, продукты питания и адаптация рецептов к условиям нехватки даже элементарных средств в первые послевоенные годы; наконец, ведение домашнего хозяйства и появление новых технических устройств на кухне и в доме.

Эти большие аспекты анализируются с точки зрения визуальной истории, истории медиа и, очевидно, гендерной истории, поскольку красной нитью книги является не только и не столько плакат или рекламное изображение как исторический источник *sui generis*, а отображение роли и самореализации женщины, её драматически меняющихся жизненных горизонтов и социально-экономических вызовов, с которыми столкнулись девушки и женщины Германии, и во многом всей Европы, после окончания войны. Плакаты и наиболее широко циркулирующие издания всех регионов Германии легли в основу монографии; использование как неопубликованных архивных документов, так и оцифрованных изображений также обогатили в целом необычайно широкую и всеохватывающую источниковую базу исследования.

Дискурсивная конструкция образных рядов *нормализации* жизни в условиях дезинтеграции экономического и социального порядка Германии и очевидный разрыв между распространяемыми рекламой позитивными образами красоты, стабильности и благосостояния и крайне неустойчивыми жизненными обстоятельствами подавляющего большинства населения были положены уже в основу заглавия и, зачастую блестяще, раскрыты в хозяйственно ориентированных главах монографии. Показательными здесь были повторяющиеся попытки имитации привычных блюд, таких как традиционной выпечки в которой использовались различные жиры и другие малодоступные отныне ингредиенты, с помощью различных эрзацев или же находящихся под рукой продуктов. В то же время реклама одежды, например, предлагала совершенно фантастический для послевоенной Германии стандарт потребления, когда в то же время женские колонки журналов во всех зонах содержали советы по ушитию или экономичному использованию тканей, чтобы минимально соответствовать модным тенденциям.

Континуитет между западными зонами и Восточной Германией, объясняющийся во многом периодизацией книги (до реформы Эрхарда и провозглашения двух отдельных германских государств) был во многих случаях поразителен. Например, в вопросах борьбы с венерическими заболеваниями и массовыми инфекциями, в частности туберкулёзом, коммунистические и консервативные органы

во всех зонах применяли в целом однотипные дискурсивные и пропагандистские стратегии. Темы семейной верности и полового воздержания, критика лёгких отношений и уличных знакомств, в особенности между союзническими солдатами и немецкими девушками — а также и более раскованных форм молодёжной социализации, — важность соблюдения гигиены и медицинского контроля подчёркивались в равной мере как советскими оккупационными властями, так и социал-демократическими или правоцентристскими журналами в западных территориях. Консервативному образу женщины противостояли открыто сексуализированные модели поведения, которые предлагали некоторые формы рекламы (например, одежды или духов) и которые составляли один из наиболее интересных контрастов визуальной культуры гендерных ролей послевоенной Германии. Безусловно сильным пунктом аналитической системы авторов является тщательное отслеживание фундаментальных противоречий таких дискурсов, в то время как политико-пропагандистская история плакатных ландшафтов была, на наш взгляд справедливо, смещена из фокуса исследования в пользу реального жизненного опыта подавляющего большинства населения Германии.

Конечно, подобный труд не может не обойтись без определённых теневых сторон и потенциалов дальнейшего роста. Исследование Сариуш-Вольской и Лабентц обнаруживает хорошую историографическую фундированность в визуальной истории (классические труды Герхарда Пауля и Хорста Бредекампа, а также польского историка Мечислава Порембы, заявленные уже во введении) и свободное владение литературой по послевоенной оккупации Германии и ряда новейших, во многом уже мейнстримных международных трендов, начиная с Фуко и Нора. В то же время, при всём внимании к экономическим аспектам жизни немцев в послевоенные годы, практически незатронутым остался вопрос реальной эффективности плакатов и рекламных материалов на покупательную активность, или же, если взять аспект истории сексуальности, смещение поведенческих стратегий среди молодых женщин. В самом деле, подобная оценка крайне сложна и требует глубокого и дифференцированного исследования — в отсутствие реалистичной возможности однозначной квантификации эффектов рекламы и плакатирования публичных пространств. Однако данный вопрос на наш взгляд мог бы найти больше места в соответствующих главах и в заключении, где проблемам перспектив исследования уделено меньше внимания, чем его уточнённой концептуальной контекстуализации.

С другой стороны, монография сосредоточена исключительно на немецкой истории и балансирует на грани провинциализации, в частности не учитывая ситуацию в соседних европейских обществах от Великобритании до СССР. Сравнение, например, с Австрией и Италией могло бы помочь более точно обрисовать германскую проблематику, как это происходит с уже присутствующими и обычно более чем уместными отсылками к предвоенным годам. Только один пример: отсутствие трудов по послевоенной реконструкции и началу консьюмеризма в Италии (в частности, Виктории

Де Грация) лишило монографию ряда интересных и практически самоочевидных параллелей. Это же может относиться к интересным, богато иллюстрированным и легко доступным публикациям по визуальным культурам различных зон в Австрии, где к тому же не приходится говорить о языковом барьере, осложняющем сравнительные исследования в центрально- и восточноевропейском регионе. Не призывая к тотальной транснационализации любой выходящей в новейшее время монографии, мы считаем нужным подчеркнуть плодотворность синхронной контекстуализации и сравнительного подхода.

В целом, книга Сариуш-Вольской и Лабентц, символ *нормализации* методов визуальной истории и междисциплинарного подхода в историографически плотно населённых периодах новейшей истории, представляет собой весьма информативный и, следует упомянуть, зачастую увлекательный труд. Богатство и разнообразие источниковой базы, часто и уместно цитируемой на страницах книги, последовательность и ясность теоретического и методологического подхода, мастерское сочетание традиционной исторической работы и последних инноваций безусловно составят интерес для историков послевоенной Германии, специалистов по гендерной и медиальной истории, а также общеевропейской и сравнительной истории.